
Игорь ЗОТКИН

ЦВЕТОК МАНДРАГОРЫ

Новогодняя сказка для взрослых со счастливым концом

1

Хрямп шагал по болоту. Настроение было хуже некуда. В последнее время у него все валялось из рук. Нежно-маслянистая грязь, чавкающая под ступнями ног и нежными колбасками выдавливающаяся между пальцев, не доставляла былого наслаждения. Не радовало и благоухание родного болота, хотя аммиачных запахов, которые так бодрили его ранее, было предостаточно. Почувствовав легкий зуд в руке, Хрямп покосился на свой локоть. Пиявка, потеряв всякий стыд, спешно вгрызалась в покрытую шерстью шкуру. Ошарашенный такой наглостью, Хрямп разгневанно рыкнул. Пиявка, поняв, что не права, резко оттолкнулась хвостиком от его шкуры, плюхнулась в болото и скрылась в тине.

Его, хозяина болота, укусила пиявка. Настроение, поганое с утра, стало еще поганее. «А ведь еще год назад даже представить себе такое было невозможно, а теперь — пожалуйста, — подумал Хрямп. — Да, действительно, времена меняются».

А главное, все неприятности начались с этого негодника Федьки.

Вурдалак как вурдалак, ничего особенного, любил превращаться в комара и пить кровь у туристов, причем с каждым разом выбирал жертву попьянее, за что частенько получал оплеухи от Хрямпа, проводящего на болоте антиалкогольную политику, но уроки не шли впрок. Более того, со временем Федька пристрастился к крови самых отпетых алкашей, и теперь наставления Хрямпа попросту не доходили до него.

Вот и сейчас Хрямп натолкнулся на Федьку, вольготно развалившегося на крохотном островке в самой середине Хрямпова болота. Выше пояса Федька выглядел как человек, а вот ниже по-прежнему оставался комаром.

Во сне Федька чмокал губами, глупо улыбался, пускал слюни и сучил тоненькими комариными ножками.

Хрямпу ужасно захотелось утопить его немедленно, но он сдержался: все-таки свой, хотя бед этот мерзавец натворил немало.

Игорь Петрович Зоткин родился в 1960 году в Омске. Окончил Сибирский автомобильно-дорожный институт по специальности «инженер-строитель». По распределению уехал в Республику Коми. Работал за полярным кругом, в районе Усинска, обустроивал «нефтяные кусты» (промышленные зоны, где происходит добыча нефти). В должности директора предприятия вместе с вахтовым поселком прошел от Печоры до Варандея (побережье Баренцева моря). В южных районах Республики Коми, в непроходимой тайге, строил промышленные дороги для лесозаготовителей «Монди». Ранее несколько рассказов были переведены на язык коми и опубликованы в литературном приложении районной газеты «Парма гор» («Шум тайги»). Живет в районном центре Республики Коми — с. Усть-Кулом.

В прошлом году Федыка, насосавшись крови у какого-то пьянчужки, сумел подговорить двух озерных русалок Машку и Дашку попутать отдыхающих.

Убежавшие в панике туристы побросали все свои вещи, среди которых оказался и плеер, забитый до отказа иноземными фильмами.

С тех пор и покачулся авторитет Хрямпа среди его подданных. Мерзавец Федыка перестал отзываться на вурдалака и, насмотревшись ужастиков, внаглую требовал, чтобы его называли не вурдалаком, а вампиром.

Русалки Машка и Дашка то вдруг начинали весело плескаться в озере, в лучах лунного света, бесстыдно обнимаясь и целуясь друг с другом, то вдруг уплывали в разные стороны и часами сидели на берегу в одиночестве.

Однажды Хрямп незаметно подкрался к одной из них (подкрадываться незаметно он умел лучше всех) и разглядел, как та держит в руках подосиновик с маленькой шляпкой и толстой ножкой. Русалка нежно гладила гриб, а в ее глазах плескались непонятные грусть и тоска. Интересно, каких фильмов насмотрелась эта бестолочь, подумалось тогда Хрямпу.

Даже всегда лояльная к власти Хрямпа кикимора Люська начала с ним спорить и дерзить. Кроме того, стала усиленно пользоваться косметикой, чего раньше за ней не водилось.

Теперь каждое утро она вплетала в волосы свежую ряску, отчего ее космы приобретали ярко-зеленый оттенок, чернила брови самым черным торфом, найти который, даже на болоте, было не так-то просто, и румянила щеки молодыми мухоморами.

Однажды, шагая по берегу своего болота, Хрямп услышал в кустах подозрительный шорох и уловил незнакомый запах. Незаметно подойдя поближе, он тихонечко раздвинул камыши. На поляне стояли двое: покачивающийся на нетвердых ногах Федыка и незнакомец, закутанный в черный плащ. Хрямп вышел на поляну. Собеседники, слегка вздрогнув, обернулись. «О боже, — едва не выкрикнул Хрямп, — это же зомби. Откуда он тут взялся?»

У собеседника Федыки под капюшоном белели кости черепа с редкими присохшими остатками плоти. Между тем вурдалак подошел к Хрямпу и, раскачиваясь на нетвердых ногах, панибратски повис у него на плече.

— Вот это я понимаю, вот это жизнь, — бессвязно бормотал Федыка. — А у нас что? У нас ничего, ску-ко-тааа!

Хрямп хотел стряхнуть Федыку, но не успел; тот сам мокрою тряпкой сполз с его плеча и, удобно приспособив под голову замшелый пенек, сладко захрапел. Оглядевшись по сторонам, Хрямп понял, что вокруг, кроме них двоих, никого нет. «Шустрый малый, — подумал он про зомби. — Надо держать ухо остро».

Болото испускало обворожительные миазмы; недалеко от того места, где стоял Хрямп, в трясине-ловушке билась какая-то живность. Таких ловушек Хрямп устроил вокруг своих владений множество, а как же: чужим здесь делать нечего.

Он пошел на звук и увидел тонущего в болоте олененка. Олененок прибежал неизвестно откуда и был здесь чужим, но, взглянув в его полные слез глаза, Хрямп почувствовал в левой половине груди легкий укол. Он давно уже забыл, что это означает, но все же протянул в сторону олененка руку с раскрытой ладонью. Трясина подчинилась ему беспрекословно, выпустив жертву из своих смертельных объятий. Освобожденный олененок, благодарно взглянув в глаза Хрямпа, стремглав рванул в лес.

— Шшшш, — раздалось в ближайших кустах. — Не надо было этого делать, повелитель, болото тоже хочет кушшшшать, — навстречу Хрямпу выползла лучшая подруга кикиморы Люськи змея Маруська.

— А ну цыц! — прикрикнул Хрямп. — Разговорились тут у меня, — и, посмотрев вслед убегающему олененку, добавил: — Он из соседнего леса, ни к чему нам с соседями ссориться.

Пристыженная Маруська, повинно склонив голову, ретировалась в кусты, не упустив, однако, возможности с досады укусить прыгавшую рядом жабу, которая тут же перевернулась на спину и, пару раз дернув лапками, затихла.

Поставив на место зарвавшуюся подданную, Хрямп немного успокоился и решил заняться неотложными делами. А дел таковых намечалось немало, так как приближался самый великий день в году. В этот день расцветала *Мандрагора*.

То, о чем сейчас думал Хрямп, было его великой тайной. Цветок Мандрагоры, растущий в самом гиблом месте, куда не мог пробраться ни один здешний обитатель, кроме Хрямпа, конечно, был сердцем болота. Только этот цветок решал, кому можно жить во владениях Хрямпа, а кому нельзя. Только он приводил на болото его будущих обитателей, и он же, по каким-то неведомым Хрямпу причинам, изгонял их.

Так был изгнан его ближайший друг, водяной Серега, с которым они так любили вести чинные беседы, сидя в зарослях камыша и отпугивая надоедливых охотников на уток легким медвежьим порывиванием.

А вот эта ходячая беда вурдалак, неизвестно зачем поселившийся в здешних местах, почему-то вполне устраивал Мандрагору, и похоже, изгонять его никто не собирался.

Да что вурдалак, сам Хрямп когда-то был принят ею; только для посторонних все это было великой тайной.

Итак, Хрямп уверенно шагал по болоту, шла первая декада декабря. Легкий снежок, пару раз выпадавший в начале месяца, давно растаял, и если бы не пожухлая трава и облетевшие листья на жиденьких кустиках, трудно было бы догадаться, что зима уже наступила.

Хрямп шел к единственному обитателю здешних мест, который, как и он, был посвящен во все тайны. Это была проживающая в человеческой деревне старушка, по имени Авдотья.

Авдотья жила в заброшенной деревеньке с многообещающим названием — Болотная.

Время от времени Хрямп забегал к ней в гости, особенно когда нуждался в мудром совете.

Среди знакомых Хрямпа только Авдотья была настоящим человеком, что, впрочем, не мешало им водить дружбу.

— Заходи, заходи, любезный, — гостеприимно встретила Хрямпа пожилая женщина. — А у меня как раз самоварчик поспел, и вареньица из погреба достала, твое любимое — малиновое.

Хрямп судорожно сглотнул слюну и, стараясь как можно меньше пачкать пол ногами, присел за край стола.

— Ну, рассказывай, уважаемый, что стряслось, ты ведь просто так в гости не заходишь.

Хрямп смущенно опустил голову и, стесняясь своей неловкости, покосился на Авдотью.

— Да вот я и сам не пойму, но чувствую, что что-то не так. Нет порядка на болоте. Сегодня даже пиявка меня укусила. Подданные смотрят как-то косо. Ладно придурок Федька, но даже змеи норовят советы давать. А ведь скоро зацветет Мандрагора, ох чую, что-то должно случиться,

— Да полно тебе маяться-то. Мандрагора бед не натворит. Ты же знаешь, она устанавливает на болоте законы, которые устраивают всех, в соответствии с общими желаниями.

— Вот-вот, желаниями, а какими желаниями?

Авдотья разлила по чашкам ароматный чай, заваренный на смородиновом листу, и выложила в вазочку густое, как плавленная карамель, малиновое варенье. Разговор временно прекратился.

2

Ну кто же ходит в ресторан по воскресеньям?.. Проснувшийся Василий со стоном повернулся на бок. Вообще-то, он был человеком непьющим или, если уж совсем точно, малопьющим, но вчера...

Голова норовила расколоться на сотню мелких полыхающих углей, во рту словно мышь сдохла. Да еще этот кошмарный сон, то ли про лешего, то ли про водяного. Сон, больше похожий на бред. А все этот безответственный провокатор Серега: «Только пивка попьем, только пивка попьем», — прибить его мало.

Механический будильник, детище советских времен, нагло прыгая по журнальному столику, грохотал так, как будто сообщал не о начале рабочей недели, а о ядерной атаке неприятеля. С огромным трудом оторвав голову от подушки, Василий сумел поймать обнаглевший раритет и накрыть его ладонью. Будильник затих.

Затуманенным взглядом Василий обвел свою комнату; зрелище впечатляло. Среди раскиданных по всей квартире вещей выделялось большое керамическое блюдо с оливье, опрокинутое посреди комнаты прямо на ковер.

Такое блюдо вчера стояло на столе в ресторане, в который они с Серегой заглянули скоротать вечер. Вспышка памяти реанимировала прошедшее, в котором он увидел свою собственную руку с рюмкой водки и услышал свой же возбужденный голос: «Друзья! Приглашаю всех ко мне, время детское, а кабак все равно скоро закрывается».

Картинка покачивалась из стороны в сторону, как на экране телевизора, когда оператор на бегу снимает сцену артобстрела. Дальше шел пробел, точнее, полная темнота.

Рядом с большим блюдом Василий разглядел несколько тарелок поменьше; их содержимое определить было невозможно, так как то, что было не съедено, было размазано ровным слоем по ковру и уходило натопанной дорожкой в сторону кухни и туалета.

— Тарелки с закусью мы взяли под залог или просто сперли? — Василий пытался вспомнить, но вчерашний вечер был скрыт непроницаемой завесой. — А, черт с ним! Потом вспомню, или Серега расскажет.

Здесь же, среди рюмок, вилок и ложек из того же заведения, лежала женская туфелька.

Вспышка памяти вновь выхватила фрагмент вчерашнего вечера: он, Василий, пьет водку за прекрасную незнакомку, сидящую за соседним столиком, как раз из этой туфельки.

«Но ведь это было в кафе. Интересно, незнакомку мы тоже взяли с собой или ограничились ее туфелькой?»

Больше Василий не помнил ничего. Ладно, будем ждать новых вспышек памяти или сведений со стороны. Пора было приводить себя в порядок и отправляться на работу.

Офис ломбарда, в котором работал Василий, находился в двух автобусных остановках от его квартиры. День выдался морозный и солнечный. Раздумываясь, прохождение спешили по своим делам. Василий также решил прогуляться пешком, для чего вышел из дома чуть-чуть пораньше, отказавшись от завтрака; сделать это было легко — организм все равно отвергал любую пищу.

Солнышко хоть немного, но грело, недавно выпавший снежок подтаивал и сползал с крыш чахлыми сосульками. Жизнь скромненько, но радовала.

Стараясь дышать полной грудью, Василий размашистым шагом двигался в сторону работы. Проходя перекресток двух центральных улиц, он мельком взглянул на заляпанные известкой окна-витражи. В этом угловом здании в течение двух последних лет располагались перманентно разоряющиеся заведения: парикмахерские, магазины и небольшие кафешки. По-видимому, новый арендатор, рискнувший попытать свое пред-

принимательское счастье, решил начать с ремонта. Но не это привлекло внимание Василия. В небольшой проплешине относительно чистого стекла он увидел человека. Тот, как показалось Василию, был подвешен на веревке, прикрепленной к поясу, потому что свободно сучил в воздухе тоненькими ножками, а за его спиной поблескивал нимб, какой оставляют в воздухе машущие крылышки стрекозы. На лице человека была бутафорская маска с длинным, как у комара, носом. Человек по-дружески помахал Василию рукой. «Аниматор, — мелькнуло у Василия в голове. — Но что он делает в здании, находящемся на ремонте? Репетирует, что ли?»

И почти в тот же момент замедлил шаг, ошарашенный новой вспышкой памяти. Он явственно увидел этого человека сидящим на ковре, посреди его комнаты, с тарелкой оливье. Скрестив по-турецки тоненькие, почти комариные ножки, он зачерпывал салат из блюда прямо ладонью и угощал им своего соседа. Разглядеть лицо соседа не было возможности, так как тот был закутан в черный плащ с низко опущенным капюшоном.

Случайный прохожий неловко задел Василия локтем. Толчок, пришедшийся в область печени, привел его в чувство и придал необходимое ускорение. Встряхнув головой, Василий двинулся дальше, приняв видение за последствие алкогольного отравления.

Придя на работу, он разделся, сел за свой стол, перевел дух и попытался настроиться на рабочий лад, но не успел.

— Ну ты даешь, братан, — вместо приветствия завопил вошедший Серега. — А ты в курсе, что я сегодняшнюю ночь провел в милиции?

— В милиции? А как ты туда попал?

— Ты куда вчера исчез и что это за два кренделя были с тобой? — игнорируя вопрос Василия, продолжал Серега.

Василий же, глядя на Серегу с непониманием, ожидал пояснений.

— Что значит исчез? Разве мы не вместе ушли?

— Конечно, нет. Пока я танцевал с девушкой, подружкой той, у которой ты спер туфельку, к тебе подкатили каких-то два хмыря, и вы в обнимку вышли на улицу. Я думал, вы пошли покурить.

— Я не курю, ты же знаешь, — резонно заметил Василий. — А что было после?

— А после, когда я проводил партнершу за ее столик и вернулся к нашему, то обнаружил на нем только грязную посуду. Водка, пиво и закуска исчезли вместе с вами.

— И что? Ты пытался меня найти?

— Пытался, но гардеробщица была в обмороке, а швейцар у двери только икал и постоянно крестился. Уж не знаю, чем это вы их так напугали?

— И все же как ты попал в милицию? — теперь уже Василий проигнорировал вопрос Сереги.

— Как-как? Во-первых, эта «босоногая» устроила скандал, а во-вторых, у меня же не было денег, чтобы рассчитаться за столик, я ведь на тебя надеялся.

Василий мысленно усмехнулся: Серега был признанным мастером халявы, проучить его, может быть, и стоило, но вот только что все же было дальше?

— И ты не пытался меня искать?

— Где? В кутузке, что ли?

В этот момент двустворчатая дверь распахнулась настежь, и в кабинет ворвалась Серегина жена Марина.

Вообще, отношения в треугольнике «Василий — Марина — Серега» складывались непросто.

Марина и Серега плотно дружили еще со студенческой скамьи. Василий не мог считать, сколько ночей он провел по разным пригревшим его углам, включая залы ожидания в аэропорту и на железнодорожном вокзале, когда его друг Серега, живший

с ним в одной комнате общежития, уговаривал его принести в жертву мимолетное удовольствие сна в собственной постели на алтарь великой, их с Мариной, любви.

Каждый раз, когда Серега уговаривал его где-нибудь перекантоваться, Василий убеждал себя, что это в последний раз, но потом все повторялось снова и снова. Ну не мог он отказать своему лучшему и единственному другу.

Гроном среди ясного неба разнеслась по институту новость, что Серега во время дипломной практики, которую он проходил в Заполярье, женился на девушке из коренных народов Севера.

Фотографию красавицы с раскосыми глазами, двумя жиденькими косичками и плоским носом с интересом рассматривал весь факультет, не зная, что делать: удивляться, смеяться или сочувствовать.

Так или иначе, но, защитив диплом, Серега укатил в объятия вновь обретенной семьи, а Марина вышла замуж... за Василия.

Вспоминая об этом, Василий до сих пор не мог объяснить, как все случилось. Иногда ему казалось, что просто однажды, выйдя из дома и повстречавшись с Мариной, они совершенно случайно зашли в загс и поставили свои подписи под документом, оказавшимся свидетельством о браке.

Конечно, все было не так, но память отказывалась фиксировать мелочи, которые ранили душу и вызывали муки раскаяния.

Как бы то ни было, но в «счастливом» браке с Мариной они прожили ровно год, который подарил Василию неврастению, седину на висках и твердое убеждение, что родился он для холостой жизни.

В это же время закончил свои северные похождения Серега. Пресытившись романтикой, разойдясь с плосконосой красавицей и едва не получив в спину китовый гарпун от родственников, он вернулся домой.

Претензии со стороны Сереги на Марину и любовь, вспыхнувшую между ними с новой силой, Василий встретил на ура. Свет не видывал такого счастливого разрешения драмы.

Однако воздух свободы, вскруживший голову Василию, оказался не так сладок, как ему показалось сначала. Избавившись от обязанностей жены, Марина с удвоенной силой взялась за опеку Василия, реализуя свои материнские инстинкты.

Ситуация в их отношениях с точностью ксерокса повторяла сюжет из кинофильма «Покровские ворота», где Василий был Хоботовым.

...Марина, вбежав, с размаху упала в офисное кресло, едва не опрокинув его. Ее горящий, даже немного безумный взгляд перебегал с одного мужа на другого, заставляя Серегу и Василия поочередно скромно опускать глаза.

— Ну так вот, родные мои, — Марина не вдумывалась в смысл слов, они шли из души, — такой шанс выпадает раз в жизни.

3

Над Болотным стоял непривычный для здешних мест шум и гам, в деревне проходил митинг. Все или почти все население деревни и окрестностей собралось возле крайних плетней давно заброшенных огородов. Место было продуманным.

Недалеко, метрах в пятидесяти, находился дом Авдотьи, которая по замыслу организаторов митинга представляла население деревни.

Правое крыло покосившейся изгороди упиралось в озеро, что вроде как символизировало участие в митинге озерных жителей — русалок Машки и Дашки. Сами они вольготно расположились недалеко от берега, подмяв под себя сухие камыши.

Левое крыло изгороди, давно упавшее и усеянное болотными кочками, проросшими сквозь плетень, символически приобщало к митингу болотных жителей. Их представители, кикимора Люська и ее подруга гадюка Маруська, находились здесь же.

Люська сидела на трухлявом пеньке и гладила по маленькой головке лежащую у нее на коленях гадюку, а та, в порыве нежности, слегка покусывала Люську за кончики пальцев.

В отдалении, почти на противоположном конце огорода, темнела фигура зомби. Он, как положено иностранному гражданину, был всего лишь наблюдателем и активного участия в происходящем не принимал.

Главным организатором и, конечно же, идейным вдохновителем митинга был вурдалак Федька. Переглянувшись с зомби и получив от него одобрителный кивок, вурдалак обратился к собравшимся с речью: «Господа! Друзья! Братья и сестры!» Тут Федька хватил лишку: братьев среди собравшихся не наблюдалось, присутствующие были лица исключительно женского пола. Хрямпа Федька не позвал из опасения, что тот ему намылит шею в самом начале мероприятия, а отнести зомби к тому или иному полу ввиду полного разложения соответствующих признаков не представлялось возможным.

— На нашем митинге присутствует почти все население нашего архипелага, — это слово Федька совсем недавно услышал от зомби, и оно ему очень понравилось. — Поэтому ввиду наличия кворума, — это слово ему тоже подсказал зомби, но он пока не знал, что оно означает, — мы можем считать наш митинг законодательным собранием.

Переведя дыхание, он достал из кармана бутылку с красной жидкостью и основательно приложился к ней.

— Сегодня я хочу обсудить с вами важный, давно назревший на нашем болоте... — Федька поперхнулся и прокашлялся, — извиняюсь, архипелаге вопрос: как долго мы будем терпеть самоуправство и волонтаризм отдельного узурпатора? Посмотрите, как живет весь мир, — вурдалак покосился на зомби. — Однополые браки только приветствуются.

Машка и Дашка в экстазе от накрывшего их ветра свободы неистово забили по воде хвостами.

— Во всем цивилизованном мире легализованы алкоголь и легкие наркотики, — Федька судорожно сглотнул. — Общество не бросает на произвол судьбы одиноких людей, а окутывает их своей заботой и вниманием.

Люська крепче прижала к груди Маруську и грустно опустила глаза.

— Старые люди, вышедшие на пенсию, живут счастливее, чем раньше. Они путешествуют по всему миру на белоснежных лайнерах и живут в шикарных отелях.

— Тьфу, балаболка, — Авдотья плюнула в сторону оратора и ушла в дом.

Федька сделал вид, что не заметил черной неблагодарности электората, и продолжил:

— А скажите, кто виновен в том, что мы не живем, а прозябаем? Кто отринул святую идею обновляемости власти? Кто единолично установил контакт с Мандрагорой и привел социальную жизнь нашего общества к полной деградации?

Федька вновь крепко приложился к бутылке с красной жидкостью. Его речь становилась все менее связной, а слова выговаривались с трудом. Но он был горд собой, он все-таки сумел произнести фразу о деградации чего-то там, которую учил с зомби вчера весь день.

— Поэтому я предлагаю, так как Мандрагора должна исполнять наши общие желания, — Федька еще раз перевел дух и для храбрости допил содержимое бутылки. — Отобрать Мандрагору у Хрямпа и установить над ней коллективный контроль.

— Кто это здесь хочет у меня что-то отобрать? — грозный рык Хрямпа раздался над самым ухом вурдалака.

Перепуганный насмерть Федька попятился, озираясь по сторонам в поисках поддержки, но безуспешно. На том месте, где сидели русалки, едва заметно покачивались примятые камыши. Люська и Маруська проворно уползали в сторону топи, умело маスキруясь между болотных кочек, а его ближайший друг зомби как будто растворился в воздухе.

К счастью, содержимое бутылки сделало свое дело: споткнувшись о плетень, вурдалак кулем свалился на заросшие бурьяном грядки и захрапел, тем самым избежав немедленного наказания.

...Проснувшись, Василий обнаружил, что проспал. Будильник, наверно обидевшись на него за вчерашнее грубое обращение, молчал, как партизан. Встряхнув головой, Василий встал с кровати и пошел в ванную; он все еще находился под впечатлением только что приснившегося кошмара.

Во время своего недолгого супружества он часто наслаждался романтическими видениями, которые называл снами о девушке, танцующей со звездами. Эти сны были отдушиной, помогавшей ему хотя бы во сне испытать чувство робкого счастья.

А вот теперь, когда он стал свободным человеком, он больше не видел ее, танцующую со звездами. Эти видения заменили сны с персонажами-чудовищами.

Митинг, проходящий среди этих персонажей на окраине деревни, отложился в памяти до мельчайших подробностей. Свою родную бабушку, присутствующую на нем, он узнал совершенно точно.

— Приснится же такая чушь, Марина все же права: ужин должен быть легким.

Холодный душ бодрил и возвращал к жизни.

— А вот за то, что проспал, думаю, мне попадет, хотя попало бы все равно за что-нибудь.

Устраивать Василию утренний нагоняй было обязательной, с точки зрения Марины, процедурой, необходимой для того, чтобы держать его в тонусе. А потому, не особо расстраиваясь, Василий принял душ, оделся и, не спеша выпив чашечку кофе, отправился на работу.

Сегодняшний день обещал быть непростым. Вчера Марина сообщила сногшибательную новость: один богатенький клиент решил практически за бесценок заложить ожерелье с десятью алмазными подвесками.

Ожерелье уже само по себе было дорогим, и прибыль, которую можно было получить от этой сделки, учитывая, что клиент выкупать его не собирался, впечатляла.

Но самое интересное начиналось дальше. Ювелир утверждал, что это известное ожерелье знаменитого мага графа Калиостро, помогавшее ему творить чудеса, что в разы увеличивало его стоимость. В глазах Марины стояли цифры со множеством нулей. Также было решено не ставить хозяина в известность о реальной стоимости сокровища.

Буква закона соблюдалась неукоснительно. Хозяин назначил цену, ломбард ее вы платил; если в указанный срок вещь не будет выкуплена, то права на нее переходят к хозяйке ломбарда, то есть к Марине.

Василию не нравился такой расклад, но что делать? Привычка подчиняться намертво укоренилась в его сознании.

Итак, он вошел в офис и, с невинным видом пожав руку Сереге и кивнув Марине, не замечая ее возмущенного взгляда, расположился за своим рабочим столом.

— Ну что, выспался, маленький? — яда в голосе Марины хватило бы на то, чтобы отравить всю водопроводную воду в радиусе десятка окрестных кварталов.

Делая вид, что не улавливает в ее словах сарказма, Василий зевнул, прикрывая рот рукой, и ответил:

— Да, слава богу, отоспался,

— Ну ничего, решим наши вопросы, потом поговорим, — в голосе Марины Василию послышались зловещие шипящие звуки, как у змеи.

— Да ладно вы, угомонитесь! — вмешался Серега. — Сейчас клиент придет, нужно подумать, как будем его встречать,

В момент успокоившаяся Марина провела ладонями по лицу, как будто снимала одну маску и надевала другую, после чего уверенно заявила:

— Не переживай, встретим.

Звон колокольчика у входной двери возвестил о прибытии гостя. Марина еще раз грозно взглянула на Василия и, сменив маску Медузы Горгоны на маску елейной доброжелательности, пошла встречать клиента.

В приемной ломбарда стоял странного вида человек. Это был вчерашний клиент, но распухшее правое ухо и огромный синяк под левым глазом кардинально изменили его внешность. Даже длинный, почти комариный нос и чересчур тоненькие ножки не так бросались в глаза на фоне новых приобретений явно ручной работы.

Молодой человек заметно покачивался вперед и назад, переставляя ножки в такт поступательным движениям тела, как будто танцевал «Семь сорок», и улыбался хмельной улыбкой.

Справившись с секундным замешательством, Марина вышла ему навстречу.

— Здравствуйте, здравствуйте! — первым раскланялся молодой человек, при этом звонко икнув. — А я вот снова к вам, — его глазки бегали по ядерной фигуре Марины, и в какой-то момент ей даже показалось, что он плотоядно облизнулся. — А ведь я пришел вас расстроить. Да, да, да! Вы уж простите меня, я всего лишь секретарь моего господина, то есть начальника, — посетитель повинно склонил голову, но глаза его при этом хитро блеснули. — Ну, ошибся я! Господин, то есть начальник, — вновь поправился секретарь, — сказал, на два дня, не более. Эта, как ее, на шею. Дорогая уж больно. В общем, перепутал я, — посетитель снова громко икнул. — Вы уж верните ее мне. Мой господин, то есть шеф, за алмазы с кого угодно голову снимет, — и он многозначительно посмотрел на вошедших в комнату Серегу и Василия.

Немая сцена продолжалась несколько минут. Марина переводила взгляд с Василия на Серегу. Серега, словно о чем-то задумавшись, глядел в сторону, а Василий, которого попеременно бросало то в жар, то в холод, не отрывал взгляда от секретаря, в котором однозначно узнал «аниматора» с перекрестка и неряху собутыльника в тот злополучный вечер.

— Ну что же, хозяин барин, — слегка раздраженным, но полным достоинства голосом произнесла Марина. — Проводите господина в хранилище и верните ему оставленную вещь.

Все-таки что ни говори, а она умела держать удары судьбы.

Хранилищем Марина называла кабинет Василия, в котором находился огромный уродливый сейф, изготовленный еще в советские времена и весивший, наверно, под тонну. Неизвестно, сколько арендаторов сменилось у их офиса, но ни один из них не рискнул при переезде забрать с собой это страшилище.

Марина отправилась в свой кабинет оформлять документы на возврат залога, а странный посетитель и Серега с Василием прошли в хранилище, к бронированному монстру.

По штатному расписанию в обязанности Василия как раз и входили прием, хранение и в случае необходимости возврат заложенных вещей.

Василий первым подошел к сейфу и вынул из кармана огромный, как у Буратино, ключ.

Громко клацнули запоры открываемого замка, дверца, издав натужный стон уставшего человека, поднимающего непомерную тяжесть, медленно отошла в сторону.

Странный клиент бросал испытующие взгляды то на Василия, то на Серегу, а те, открыв рты, ошарашенно смотрели внутрь сейфа, ничего не понимая.

Сейф был пуст, ожерелье графа Калиостро исчезло.

4

Село Болотное было основано в давние времена на берегу живописного озера. Жирная плотва и крупная щука, в изобилии водившиеся в водоеме, обеспечивали жителей запасами рыбы. Дремучий лес, дававший селянам строительный материал для изб и дрова для печей, дичь, ягоды и грибы для стола, вселял в души людей надежду на счастливое будущее.

Правда, лесная опушка постепенно уходила от деревенской околицы все дальше и дальше, но кто же думает о завтрашнем дне, когда безмерно счастлив сегодня.

Пришло время, и в Болотном появились мелиораторы. По их задумке освобожденные от леса земли должны были стать сенокосными лугами. Дело хорошее, и народ встретил идеи мелиораторов с воодушевлением. Да вот только что-то у них не срослось.

Прорытые дренажные каналы почти сразу превратились в полноводные ручьи, заливающие в половодье все окрестности. Коряги и прочий хлам, собранный мелиораторами в огромные кучи, превратились в непроходимые завалы, и уж совсем непонятно как, но там и тут на бывших вырубках появились смертельно опасные топи.

Одной стороной непроходимое болото подошло к самой околице села, а другой уперлось в озеро, отгородившись от него стеной камыша.

Собственно, тогда-то село и стало называться Болотным, и теперь уже никто не вспоминал его прежнего названия.

И еще, как часто бывает в российской глубинке, не обошлось в здешних краях без мистики. В самом центре заболоченной пустоши, в самом гиблом ее месте, по слухам, появился странный цветок, прячущийся от постороннего глаза. Только несколько жителей деревни, однажды заплутавших на болоте, случайно смогли его увидеть. Была среди них и Авдотья.

Внешним видом цветок напоминал озерную лилию, но, в отличие от лилии, не плавал на поверхности болота, а вращал в него корнями. Еще Авдотья, да и другие сельчане, увидавшие это чудо, утверждали, что цветок умел читать мысли людей и передавать им свои.

Вернувшись домой, никто из них не мог вспомнить, о чем они говорили с цветком, но точно помнили, что разговор был долгим. Единственное, что утверждали очевидцы странного явления, так это то, что цветок сам себя называл Мандрагорой.

С появлением на болоте Мандрагоры раз в год, ровно в новогоднюю полночь, в глубине незамерзающих топей загорался ослепительный свет, заливающий своим сиянием всю округу.

Снег, покрывающий деревья и камыши, вдруг вспыхивал бенгальскими огнями. Испарения, идущие из неведомых глубин, начинали закручиваться в причудливые спирали, рождая образы мифических животных, которые становились осязаемыми и обретали самостоятельную жизнь. Через какое-то время произведения великого творца вдруг рассыпались фейерверком жемчужных брызг, разлетались во все стороны и уже в воздухе сплетались в сверкающий серпантин, чтобы, коснувшись земли, вновь обрести жизнь в новом облике.

Воды озера становились изумрудно-зелеными и прозрачными до самого дна. Галька на дне превращалась в пылающие самоцветы, а сквозь легкую рябь, похожую на вуаль, можно было рассмотреть сказочных рыб и неведомых обитателей.

Старожилы Болотного утверждали, что в эту ночь, если найти Мандрагору и прикоснуться к ней, исполнится любое желание.

...Необыкновенный сон, который снился Василию уже в который раз, был сегодня особенно ярким. Во сне его душа летала. Там, в бесконечных глубинах космоса, он раз за разом видел одно и то же — прекрасную хрупкую девушку, танцующую со звездами.

Босые ступни ее отталкивались от невидимой опоры, и она взмывала вверх, кружась в ошеломляющем танце. Почти прозрачные одежды легким облаком окутывали стройное тело. Черные, как сами глубины космоса, волосы пышной пеной растекались по обнаженной шее и нежным плечам. Звезды и целые галактики, подхваченные сумасшедшим вихрем, кружились вокруг танцовщицы. Огни вселенной отражались в ее сияющих глазах.

Как всегда после этого сна, Василий встал с постели в хорошем настроении.

Вчера он приехал в деревню к своей бабушке. Авдотья встретила внука жарко натопленной банькой с душистыми березовыми вениками, горячими пирожками с рублеными яйцами и зеленым луком, чаем с малиновым вареньем и бесконечными упреками.

Справедливость упреков Василий признавал, и потому они казались ему особенно горькими.

— Что же ты, внучек, за столько лет не мог найти хотя бы недельку, чтобы провести свою родную бабушку? Я ведь уже не молодая, скоро в далекий путь отправляться, а тебя все нет и нет.

Смущенный Василий подходил к старушке, обнимал ее за плечи и прижимал к груди.

— Прости меня, бабушка, сам не пойму, как получилось, завертелся, забегался, прости.

Душа Василия сгорала от любви и раскаяния, и он виновато отворачивался, украдкой вытирая слезящиеся глаза и переводя разговор на другую тему,

— Ну а как с соседями-то живете? Дружно, не ссоритесь?

— С какими соседями? — прищурившись, Авдотья с подозрением посмотрела на внука.

— Ну как с какими? Вон в прошлый раз у вас ларек в центре деревни работал, а через дорогу от тебя соседка жила, вы с ней вроде дружили.

— Эх, Васенька, да когда же это было? Соседка уж который год как на кладбище перебралась, а остальные, когда болото всю округу захватило, в райцентр переехали. Им там квартиры дали.

— А тебе почему не дали?

— И мне предлагали, да куда же я отсюда поеду? Нет уж! Я как-нибудь здесь свой век доживу.

Сердце Василия заныло от жалости. Он представил, каково будет жить Авдотье одной в этом одичавшем, всеми позабытом месте. Отгоняя прочь неприятные мысли, он вновь перевел разговор на другую тему.

— А мне совсем недавно приснилось наше Болотное, правда, сон был очень странным.

— Каким это странным?

От Василия не смогла укрыться тревога, мелькнувшая в голосе старушки.

— Да ерунда какая-то: русалки, кикиморы, даже один наш клиент, он в моем сне у вас вроде как общественным деятелем был. Я и тебя видел, ты на митинг ходила.

Василий сказал это нежным голосом, стараясь подлизаться к старушке, однако эффект, вызванный его словами, оказался неожиданным.

— А ну, внучек, расскажи, что ты видел? — строго потребовала Авдотья.

Василий, конечно же, кривил душой, когда говорил бабушке, что приехал потому, что соскучился. Все было не так. После сцены, разыгранной в «хранилище», события накатывали с быстротой скорого поезда.

Марина, прекратив истерику, взялась за расследование пропажи ожерелья. Ее основным аргументом было: по глазам вижу.

Поэтому после поочередного уличения Василия и Сереги (Василия она уличала в два раза чаще) Марина пришла к выводу о преступном сговоре обоих.

Клиент, какое-то время присутствовавший при разборке, откланялся и с видом хищника, пообещав вернуться, выскользнул за дверь. Далее все происходило, как в дурном сне, напоминая события из бандитских девяностых.

Ближе к вечеру появился какой-то субъект, в плаще с черным капюшоном, и замогильным голосом пообещал неприятности, которые ждут Марину и двух ее друзей, если ожерелье не будет возвращено до завтра.

Вечером этого же дня, в подтверждение слов субъекта, загорелась квартира Сереги и Марины, а машина Василия, стоявшая в гараже, неожиданно взорвалась.

Убеждать кого-либо в серьезности намерений их оппонентов не требовалось.

Здрavo рассудив, друзья решили, что будет лучше, если они на какое-то время спрячутся в никому не известном укромном месте, где их никто не сможет найти. Решить проблему таким образом, конечно, не удастся, но зато появится время все осмыслить и что-нибудь придумать.

Поиски укромного убежища не заняли много времени. Выбор пал на деревню, в которой жила бабка Василия. Место отдаленное, глухое, вряд ли их там кто-то будет искать. Поэтому Василий и оказался в Болотном, а Марина с Серегой под видом туристов должны были появиться здесь сегодня, ближе к вечеру. В городе у них еще оставались неотложные дела.

— Ты не торопись, внучек, рассказывай поподробнее, что еще тебе снилось? — продолжала допытываться Авдотья.

Немного удивленный и смущенный вниманием, с каким бабушка слушала его бредовый рассказ, Василий поведал все, что отложилось в памяти, и теперь с интересом смотрел на глубоко задумавшуюся старушку.

— Значит, тогда она тебя все же пометила, — выходя из задумчивости, произнесла Авдотья.

— Кто она? Когда тогда? И что значит — пометила? — переспросил растерявшийся Василий.

— Кто? Кто? Мандрагора. А когда? Ты уж, конечно, не помнишь, слишком мал был.

Авдотья снова о чем-то задумалась; отрешенно глядя в одну точку, она несколько минут сидела неподвижно. Затем, прокашлявшись, продолжила:

— Отправилась я как-то собирать клюкву. Клюква в тот год уродилась крупная и много. Ходить далеко не нужно, болото само к нашим огородам подошло, а ты в детстве любил ягоды собирать, вот и пошли вдвоем, — Авдотья прокашлялась, и в ее голосе зазвучали виноватые нотки. — Кто же знал-то, что посреди белого дня на болото такой туман опустится, — старушка поежилась, по-видимому заново переживая те события. — Нам бы подождать, пока туман развеется, деревня-то совсем рядом была, до крайних хат рукой подать, но ведь нет, понадеялась я на свою память и повела тебя за собой.

Авдотья опять надолго замолчала, погрузившись в воспоминания, но теперь уже Василий, заинтересовавшись рассказом, поторапливал бабушку.

— Ну а дальше, дальше-то что случилось?

— А дальше случилась Мандрагора, — коротко ответила Авдотья и, немного помолчав, пояснила: — Болото наше полно сюрпризов, никто его не знает толком. Где вчера была топь, сегодня полянка, а где еще недавно клюкву собирали, там сегодня дикие утки плавают или камышом все заросло. Вот и заплутали мы с тобой.

Авдотья громко высморкалась в носовой платок и продолжила уже другим, приглушенным голосом:

— Нашли мы место посуше, то ли бугорок, то ли полянка, присели на поваленную ветром осинку, сидим отдыхаем. А ты в детстве непоседой был, чисто шило в одном месте, и стоило мне отвернуться, глядь, а тебя уже и нет рядом. Я давай тебя звать, кричала так, что чуть голос не сорвала, а ты не откликаешься. Вдруг вижу сквозь туман, вроде как что-то горит. Пошла я на свет и вскоре увидела тебя. Ты стоял возле необыкновенного цветка: бутон похож на речную лилию, только в десятки раз больше, и сиял всеми цветами радуги.

Старушка совсем перешла на шепот и, страшно округлив глаза, добавила:

— Это была Мандрагора, а ты стоял рядом с нею, закрыв глаза и ничего не замечая вокруг, и твои ладони касались цветка.

— Ну и что, — удивился Василий. — Что в этом страшного?

— А страшно то, что, пометив человека своим вниманием, Мандрагора уже никогда не отпустит его от себя. Ты оказался здесь не случайно.

В сенях загремело опрокинутое ведро, кто-то неловкий входил в дом. Василий, уверенный, что это Марина с Сергеем, пошел навстречу. Дверь распахнулась, и на пороге появился... Хрямп. Василий, узнавший в госте свой ночной кошмар, тихо ойкнул и, прижавшись спиной к стене, медленно сполз на пол.

— Ну что ты, внучек, ну что ты? — услышал он голос бабушки и открыл глаза. Он понял, что лежит на полатах, а Авдотья, то и дело смачивая полотенце в холодной воде, прикладывает его к голове Василия.

— Он еще здесь? — спросил Василий, не скрывая в голосе надежды.

— А где же ему быть? Ты привыкай, Васенька, ты теперь один из нас.

Василий старался не поворачивать голову в ту сторону, где, громко шмыгая носом, сидел за бабушкиным столом и наслаждался чаем гость.

— Так не бывает, — уверенно заявил Василий. — Это всего лишь бред.

— Возможно, но кто знает, где в жизни заканчивается бред и начинаются чудеса? Многие люди живут ожиданием чудес, ищут их, а их не надо искать, они рядом; когда придет время, они сами постучатся в твою дверь, если ты этого захочешь, — а затем немного помолчала и добавила: — Или не захочешь.

Василий осторожно отодвинул руку с мокрым полотенцем и сел на край полатей, свесив ноги. Вспомнив разом все свои сновидения и зябко передернув плечами, он спросил Авдотью:

— А другие, ну те, которых я видел во сне, они тоже есть?

Авдотья загадочно улыбнулась:

— Конечно, есть, Васенька, и теперь ты сможешь с ними познакомиться.

Послышался осторожный стук. Воспрянувший духом Василий с нескрываемой надеждой уперся взглядом в дверь. Он знал, что с ума сходят поодиночке, и поэтому приезд Марины и Сереги был шансом на выздоровление.

Новый гость переступил порог дома. Василий со стоном откинулся на подушку и крепче прижал ко лбу мокрое полотенце. В дом вошла кикимора Люська.

5

Марина и Серега сидели в тряском кузове старенького грузовика, подстелив промасленный брезентовый пол. Выбирать не приходилось. В забытую Богом и людьми деревню можно было добраться только на попутке, да и то сойти им предстояло на какой-то развилке, от которой до села, по словам водителя грузовика, было кило-

метров пять с гаком. К счастью Марины, она пока не знала, какой окажется «гак», иначе ее уже сейчас могла бы охватить истерика.

Сейчас, трясаясь в кузове старенького грузовика, душа Сереги заходила в ностальгическом приступе. Он вспоминал, как был счастлив со своей раскосой красавицей, когда, сидя в лодке, на побережье холодного северного моря, помогал ей разделять только что выловленную скумбрию. Или когда, перед тем как лечь спать, натирал ее тело тюленьим жиром. Мир этот был закрыт для него навсегда.

«Уходя, я слишком громко хлопнул дверью», — подумал Серега и усмехнулся; на его яранге был полог из шкур, а вот дверей-то как раз не было.

Марина нервно ерзала на жестком, холодном брезенте и поминутно с опаской озиралась по сторонам. Причины для беспокойства у нее, надо сказать, были.

В ночь перед отъездом в Болотное с Мариной и Серегой произошел неприятный случай. Около полуночи их разбудили странные звуки, доносившиеся из кухни. Аккуратно, не создавая лишнего шума, Серега нащупал ногами тапочки и, обувшись, на цыпочках вышел в коридор. На кухне горел свет. Подойдя ближе к дверному проему, он застыл в растерянности, увидев двух незваных гостей, расположившихся за кухонным столом.

Это были их с Мариной старые знакомые, а точнее, незнакомец в черном плаще и... (Сереге на несколько секунд стало настолько дурно, что он едва не упал в обморок) существо, размером с хорошего дога, на манер вертолета зависшее над столом. За спиной новоявленного «Карлсона» серебристым нимбом сверкали часто машущие комариные крылья. В руках у него была початая бутылка французского коньяка, которую Серега берег для особо торжественного случая.

Незнакомец в плаще держал в руках палку финского сервелата. Один конец колбасы крепко сжимала рука с пожелтевшими костяшками вместо пальцев, а другой незнакомец засовывал под капюшон. Из-под капюшона раздавались размеренные скрежещущие звуки, и на пол из-под плаща гостя сыпалось колбасное крошево.

Стараясь дышать поглубже и борясь с приступ дурноты, Серега все же попытался обратиться к парочке:

— Кто вы такие и что вам надо?

Но с перепугу гортань отказывалась произносить гласные звуки, поэтому получилось что-то вроде: кх-чт-ндыыыы! Перешедшее в легкое подвывание.

Незнакомец медленно повернул голову в сторону хозяина квартиры и приподнял капюшон. На Серегу смотрел череп с остатками подсохшей плоти и горящими углями вместо глаз.

Оторопь, больше похожая на паралич, сковавшая тело, помогла Сереге не свалиться на пол.

— Слушайте и запоминайте, — прошепелявил зомби.

Серега, не понимая, почему к нему обращаются во множественном числе, оглянулся и обнаружил за своей спиной бледную, как сама смерть, трясущуюся Марину.

— Вы завтра же отправитесь в Болотное. Ваш друг Василий уже знает все, что ему следует знать. Говорю еще раз: Запомните! *Чтобы я простил вам ожерелье, вы должны привезти мне Мандрагору.*

Набравшийся смелости при виде Марины, Серега попытался возмутиться:

— Какую еще Мандрагору? И вообще, какое вы имеете право ...

Удар костистого кулака в лоб был настолько силен, что в полете, перед тем, как его окутала тьма, с него слетели тапочки.

...Проснулся Серега в своей постели. Под боком, прижимаясь к нему жарким телом, спала Марина. В квартире стояла полная тишина.

«Слава богу, — подумал он. — И надо же было присниться такому кошмару».

Марина, уловив сквозь сон, что Серега не спит, сладко потянулась и, прильнув к его груди, произнесла зашпанным голосом:

— Представляешь, дорогой, сегодня мне приснился жуткий сон. Как будто ночью к нам на кухню забрались два чудовища.

Встревоженный, Серега тронул рукой лоб и взвыл от боли. Шишка едва помещалась в ладонь. Не раздумывая долго, он вскочил с постели и рванул на кухню, на ходу подмечая отсутствие возле кровати тапочек.

Последняя надежда на счастливый исход развеялась как дым. На кухне, под табуретом, кучкой лежало сервелатное крошево, а на столе стояла пустая бутылка из-под французского коньяка.

...Машину резко качнуло, и она остановилась: они доехали до развилки.

Чаепитие проходило в полной тишине, причем каждый из участников чувствовал себя по-своему. Хрямп, преисполненный величия и гордости за свое болото, высоко поднимал голову и, поднося к губам блюдце с чаем, выпивал его одним глотком. Люська вдруг начала комплексовать. Она старательно прятала под стол пушистые ножки и держала на коленях сжатые в кулачки руки, чтобы не показывать маленькие, острые, как у кошки, коготки. К чаю она даже не притронулась.

Хрямп снисходительно поглядывал на свою подданную, прекрасно понимая ее: женщина, что с нее возьмешь?

Василий пил чай машинально, откусывая по очереди рафинад, соленый огурчик и пирожок с вареньем и запивая все это сладким чаем. Он не мог отделаться от мысли, что является участником театрализованного представления.

Только Авдотья чувствовала себя в своей тарелке. Она суежилась возле гостей, подливая кому нужно свежего чая и выставляла на стол новые угощения.

К концу чаепития в дом, широко распахнув входную дверь, вломилась пара человека. Новых гостей Василий узнал с трудом, хотя это были Серега и Марина.

Вид у его друзей был, по меньшей мере, странный. Глаза Сереги были широко раскрыты и вращались в разные стороны независимо друг от друга. Куртка и джинсы были заляпаны грязью и покрыты болотной тиной, обут он был только в один кроссовок.

Не лучше выглядела и Марина. Волосы растрепаны, одежда промокла насквозь, а на голове, как на изображениях Дюймовочки, красовалась перевернутая озерная лилия. Возмущенные, кипящие гневом супруги в горячке не обратили внимания на странную компанию, сидящую за столом.

— Мы только обувь помыть хотели, а эти двое, с хвостами... — дальше Серега выкрикивал что-то нечленораздельное, вставляя через слово междометия, причем не всегда цензурные.

Марина, шипя, как рассерженная кошка, сорвала с головы лилию и, швырнув ее на пол, принялась топтать ногами.

— Ну мы, пожалуй, пойдем, спасибо за угощение, хозяйюшка, — Хрямп с величавым видом встал из-за стола и пошел к выходу. Люська последовала за ним едва заметной тенью.

Проходя мимо наконец-то разглядевших его Сереги и Марины, он грозно бросил на ходу:

— А с этими хулиганками Машкой и Дашкой я поговорю.

Серега и Марина, превратившиеся в каменные изваяния, только и смогли, что дружно кивнуть.

После ухода Хрямпа, примерно через час, оправившиеся от шока и успокоившиеся Серега и Марина рассказали, что с ними приключилось.

Легкий снежок, выпавший с утра, давно растаял, сделав дорогу скользкой, как мокрый обмылок. Там и тут в разбитой колее поблескивали лужицы.

Супруги, проводив отъезжающий грузовик тоскливыми взглядами, отправились в путь. Заблудиться было невозможно, так как других дорог не было.

Глина, вязкая, как строительный битум, налипала на подошвы, и вскоре изящные сапожки Марины и «аидасы» Сереги превратились в огромные лапти из грязи.

Выбившаяся из сил Марина едва переставляла ноги, понуро плетясь за Серегой. Да и сам Серега, проклиная судьбу и ностальгируя по прошлым временам, уже был готов бросить все и усесться прямо посреди дороги с одним условием — лишь бы его не трогали.

Утешало то, что, со слов водителя грузовика, до Болотного было всего лишь пять километров с гаком. Пять километров они прошли уже часа два назад, скоро должен был кончиться и «гак».

Наконец за очередным поворотом проселочной дороги показалось огромное озеро, на дальнем краю которого виднелись деревенские постройки. Марина и Серега ускорили шаг в предвкушении конца мучительного пути.

Вода подходила почти к самой обочине, и Серега, пропустив вперед обессиленную Марину, подошел к берегу.

Озеро, не такое холодное, как стоило ожидать, дохнуло на них прохладой и свежестью.

У самой кромки воды уже поблескивали слюдяные пластины первого льда.

Марина присела на поваленное дерево, чтобы перевести дух, а Серега решил пройти вдоль берега. Метров через пятьдесят он обнаружил мостки, начинающиеся на сухом бугорке и упирающиеся другим концом в стену камыша. Наверно, когда-то на месте камышей была открытая вода, и местные бабы стирали здесь белье, подумалось Сереге.

Он ступил на деревянный настил и напряг слух. Там, в камышах, ему послышался тихий девичий смех. Осторожно ступая, словно боясь провалиться, Серега сделал несколько шагов и замер от удивления.

Рядом с мостками, покачиваясь вместе с кувшинками в такт набегающим волнам, на Серегу смотрели две обворожительные девушки. Их смех был настолько заразителен, что Серега тоже расплылся в глупой улыбке. И главное, что его заморозило и окончательно выбило из колеи: девушки были в серебристых купальниках «топлес».

Девчонки прижимались друг к другу и многообещающе подманивали к себе Серегу, протягивая в его сторону изящные ручки и сгибая тонкие пальчики. Не понимая, что он делает, Серега шагнул с мостков навстречу обольстительницам и пришел в себя, только оказавшись по горло в ледяной воде. Он хотел развернуться и вновь забраться на мостки, но не тут-то было. Девушки, молнией метнувшиеся к нему, схватили его под руки и потащили в глубь камышей.

И вот тут-то Сереге открылось неожиданное: вместо ног у девушек были рыбы хвосты, а запах, исходивший от них, был знаком ему до боли. От девушек пахло свежельвленной скумбрией.

— Ах вы, мерзавки! А ну руки прочь от моего мужа, — Марина разъяренным бакланом с высоты настила кинулась на обнаглевших развратниц.

В воде закипело нешуточное сражение: растерявшийся, но все же попытавшийся разнять дерущихся Серега получил мощный удар рыбьим хвостом под левый глаз и кулаком Марины под правый. После чего противоборствующие силы, выпустившие пар, уплыли в разные стороны.

— Я не виноват, они первыми начали приставать, и откуда я знал, что у них рыбы хвосты? Я не видел, — как-то неубедительно и не совсем в тему оправдывался Серега.

— Конечно, как бы ты разглядел хвосты? Ты ведь смотрел на другие части тела, — продолжала бушевать Марина, она никак не могла успокоиться.

Пьяный хохот и жужжание комариных крыльев раздались совсем рядом. Над ближними кустами завис вурдалак Федька.

— Ну, умора, кому скажу — не поверят: Машка и Дашка убежали от простой человеческой бабы, — Федька восхищенно смотрел на Марину.

— А тебе чего надо, зачем приперся? — Марина все еще кипела праведным гневом, к тому же пагубные привычки Федьки лишали его в глазах Марины уважения, а значит, и страха.

— А я здесь, чтобы передать приказ от повелителя, — Федьку не смутила грубость Марины; как всякий алкаш, он обладал заниженной самооценкой.

— Пусть он тебе приказывает, своему холопу, а нам он никто, — парировала Марина.

Пропустив мимо ушей ее реплику, Федька продолжил:

— Зомби велел передать, что у вас мало времени: Мандрагора нужна ему до конца года, и если вы ее не добудете, то горько, очень горько пожалеете.

При последних словах Федька злобно сверкнул глазами, в несколько раз увеличился в размерах, чем немного охладил пыл Марины, плотоядно ухмыльнулся и, как истребитель, заложив боевой разворот над головами Марины и Сереги, скрылся за вершинами деревьев.

Марина продолжала смотреть ему вслед слегка ошарашенным взглядом, а стоящего рядом Серегу колотила крупная дрожь, то ли от страха, то ли от холода.

Стоять на холодной земле в одной кроссовке, да еще насквозь промокшей, было крайне некомфортно.

6

Ближе к ночи небо заволочла серая мгла и разыгралась метель. Зима, до сегодняшнего дня малоснежная, наверстывала упущенное. Ветер, получив долгожданную свободу, как пес, сорвавшийся с цепи, носился по улицам Болотного. Провода, давно отключенные от магистральной электролинии, тихими стонами молили о пощаде. Снежные заряды, пронсясь по улицам и дворам, безжалостно ломали ветви деревьев и прижимали к земле кусты малины и смородины. Наверно, именно в такую погоду хороший хозяин не должен выгонять на улицу собаку.

Все на той же кухне, за тем же столом, сидели Марина, Серега и Василий. Авдотья, пока в душах присутствующих кипели страсти, а в головах укладывалась каша, помыла посуду, прибралась и, сославшись на то, что в деревнях рано ложатся спать, ушла к себе.

Завывание метели, стон проводов за окном и гуляющие по комнате сполохи от колеблющегося пламени керосиновой лампы делали картину зловещей.

Марина сидела во главе стола, как и положено лидеру. Василий и Серега — по бокам, напротив друг друга, сложив руки одна на другую, на манер первоклашек. Их головы были повинно опущены,

— Ну и что будем делать, дорогие мои, — привычно обратилась Марина к Сереге и Василию. — Я, между прочим, в отличие от вас, в пропаже ожерелья не виновата. Это вы двое отвечали за сохранность вещей в ломбарде.

Встрепенувшийся от возмущения Серега слегка отодвинулся от Василия, как бы желая таким образом выйти из круга обвиняемых, но, встретившись со взглядом Марины, снова поник головой и принял прежнюю позу.

— И вообще, я могла бы уехать отсюда уже завтра и оставить вас одних решать *ваши* проблемы с зомби, — при этих словах вопрос «кто есть кто» наконец-то перестал

существовать для друзей. — Поэтому не надо сидеть паиньками! Думайте, как нам быть. Думайте!

— Ну, вообще-то, зомби сказал, что отстанет от нас, если мы привезем ему какую-то Мандрагору, — робко высказался Серега.

— Легко сказать, привезем, — с сомнением в голосе возразил Василий. — Она же в самом гиблом месте растет, к тому же это место Хрямп в секрете держит.

— А может, все-таки уехать отсюда куда подальше, — вновь предложил Серега.

Марина посмотрела на него с легким прищуром, как на идиота.

— Хочешь убежать от вездесущего зомби и от его летающего друга? Ну-ну, попробуй, — и добавила: — У тебя от побоев, наверно, последние извилины выпрямились. Кстати, — обратилась Марина к Василию: — А почему Хрямп прячет Мандрагору, ее, что, кто-то хочет украсть?

— Да есть такие желающие, даже не украсть, а отобрать, — и Василий в подробностях рассказал Марине обо всем, что знал.

Пока Марина слушала, глаза ее то радостно вспыхивали, то гасли. В конце концов она, не в силах усидеть на месте, выскочила из-за стола и начала расхаживать по комнате. Друзья, прекрасно знающие ее привычки, ждали, когда она заговорит, но так и не дождались.

Следующее утро выдалось морозным и солнечным. Зима хоть и с опозданием но все же вступала в свои права.

Над незамерзающими болотными топями расстился туман. Белесые облака поднимались вверх и нехотя растворялись в синеве декабрьского неба. Со стороны казалось, что где-то там, в глубине болота, кто-то невидимый и огромный курит гигантскую трубку.

Проснувшиеся друзья обнаружили на кухне давно вставшую Авдотью. Горка золотистых, поджаристых блинов красноречиво говорила об этом.

Кусочки слегка подтаявшего сливочного масла в масленке и заварочный чайник, испускающий блаженный аромат смородинового листа, вызывали волчий аппетит. Авдотья радушно пригласила гостей к столу.

Первые пятнадцать минут никто даже не пытался завязать разговор, настолько все были увлечены блинами. Единственным звуком, разносящимся по кухне, было причмокивание голодных ртов.

Первой заговорила Марина. Она доела кусочек блина, запила его горячим травяным чаем и, поблагодарив Авдотью, откинулась на спинку стула.

— А скажите, бабушка, почему зомби хочет украсть Мандрагору, зачем она ему нужна?

Авдотья, раздумываясь от комплиментов, споткнулась о половик, едва не опрокинув на Серегу крынку со сметаной. Почти минуту она боролась с растерянностью и наконец смогла вымолвить:

— А откуда вы это знаете?

— Знаем, — утвердительно заявила Марина. — Зомби сам уговаривал нас выкрасть ее для него, только не знаем, зачем она ему.

Авдотья в задумчивости присела на край скамьи, не замечая руку Сереги, протянутую к крынке. В ее душе боролись противоречивые чувства. Она, несомненно, хотела рассказать Марине о подстерегающих ее опасностях, но в то же время червячок подозрения вкрался в ее душу.

— Украсть Мандрагору непросто. Она сама охраняет себя, и подойти к ней может лишь тот, кого она однажды уже выбрала. Зомби уж на что ушлый, а подойти к Мандрагоре не может, как ни вьется вокруг наших болот.

— А если Василий подходил к ней раньше, значит, сможет подойти и сейчас? — в голосе Марины Василий и Серега уловили неподдельный интерес.

Авдотья посмотрела на внука с укоризной, а Василий виновато опустил глаза: он нарушил запрет бабушки на разглашение тайны.

— Василий, может, и смог бы, да кто же ему дорогу-то укажет; мал он был тогда, когда его Мандрагора пометила, и сейчас ему самому дорогу не найти.

Марина сделала вид, что разглядывает улицу за окном, на самом же деле она отвернулась, чтобы скрыть радостный блеск в глазах: все складывалось как нельзя лучше. Через пару минут, совладав с собой, она вновь обратилась к Авдотье:

— А все же, зачем зомби Мандрагора? Он что, такой крутой ботаник?

— Сами вы ботаники, — проворчала Авдотья в ответ. — Мандрагора — это сердце наших болот, а чтобы вам было понятнее, скажу, что она каждый год перезагружает всю нашу округу, как вы свой компьютер. Все обновляется, и все начинает жить заново, без Мандрагоры жизнь в наших краях погибнет.

Друзья удивленно переглянулись, мысленно удивившись продвинутой Авдотьи в вопросах компьютерной техники.

— А чего хочет от Мандрагоры зомби? — не унималась Марина.

— А зомби возомнил, что сможет подчинить Мандрагору себе и ни много ни мало заставить ее выполнять его желания.

Авдотье надоел этот разговор, к тому же она посчитала, что и так сказала много лишнего, поэтому, встав со скамьи, хотела выйти в сени, но Марина вновь окликнула ее.

— А вдруг зомби поможет кто-то из местных, например, тот летающий алкаш или еще кто. Год скоро закончится, так, может, на это время Хрямпу выставить у Мандрагоры охрану? На всякий случай.

Авдотья задержалась на пороге. Мысль об охране показалась ей вполне разумной. Она пристально посмотрела в глаза Марине и, не обнаружив подвоха, ответила:

— Хорошо, я передам это Хрямпу.

Марина ликовала: задуманное начинало сбываться.

Откровенно говоря, все это время Марина валяла Ваньку, или, попросту говоря, придуривалась. Причина и разгадка такого поведения крылась во вчерашнем визите неожиданного гостя, точнее, гостей.

Когда все постояльцы и хозяйка давно уже спали, Марина проснулась от легкого поскрипывания под окном. Звук был слишком тихим, чтобы насторожить, но достаточно громким, чтобы заинтересовать.

Накинув куртку прямо поверх ночной сорочки, она осторожно вышла во двор. Звук переместился за угол дома и теперь доносился откуда-то из-за сарая.

Жалея, что не разбудила Серегу, но не в силах совладать с любопытством, Марина шагнула за угол. Запах винного перегара из темноты и присутствие за спиной постороннего Марина почувствовала одновременно. Взгляд, брошенный через плечо, подтвердил самое худшее: за ее спиной стоял зомби, а из темноты навстречу ей покачивающейся походкой выходил Федька.

— Не бойся. Тебе ничто не угрожает, мы пришли просто поговорить с тобой, — прошепелявил зомби.

Марину начала потряхивать нервная дрожь, но, будучи по характеру бойцом, она взяла себя в руки:

— Ну и о чем будет разговор? Если о компенсации за ожерелье, то я подтверждаю, что мы признаем свою ответственность за потерю вещи, но я требую, чтобы разбирательство проходило официальным путем, без ваших бандитских выходов.

При этих словах одна сторона челюсти зомби слегка отвисла, что, по-видимому, означало улыбку:

— Вы говорите об ожерелье Калиостро? — и зомби с ловкостью фокусника выхватил из-за пазухи пропавшую драгоценность. — О нем не стоит беспокоиться, хотя если быть точным, именно о нем теперь и стоит поговорить.

Ничего не понимающая Марина, при этом до крайности возмущенная наглостью и цинизмом зомби, пристально смотрела ему в глаза.

Ясность внес хихикающий и кривляющийся Федька:

— Ну чего тут не понять? Мой друг дарит вам это сокровище, но взамен требует от вас Мандрагору. Он решил, что будет лучше, если ваше сотрудничество с нами будет добровольным.

Душа Марины кипела, возмущенная выходкой наглых шантажистов, но рука сама потянулась к ожерелью, и когда ее пальцы коснулись гладких камней, все решилось окончательно.

— Но как же я найду Мандрагору? — потерянным голосом прошептала Марина.

— А тебе ее искать не надо, ее найдет Василий, а ты пойдешь за ним следом. Ожерелье Калиостро может выполнять желания, когда дело касается защиты владельца. Нужно просто потереть его и попросить о помощи, а пройти по следу Василия тебе поможет вот это, — и зомби протянул Марине небольшой пакет.

Парочка отвернулась от Марины и неспешной походкой скрылась в темноте.

— Кстати, в аптечке Авдотьи есть клофелин, он может тебе пригодиться, — донесся из-за сарая писклявый голос Федьки.

Марина стояла в растерянности, сжимая в одной руке ожерелье Калиостро, а в другой — пакет с неизвестным содержимым.

После ухода двух негодяев, когда оторопь прошла, Марина несколько минут прислушивалась к темноте, а затем, не в силах сдерживать любопытство, открыла пакет.

Нужно сказать, что ее ожидало разочарование. Вместо магических артефактов в пакете лежали GPS— приемник и навигатор: не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, как их планировал использовать зомби.

Хрямп внимательно выслушал Авдотью. Ему показалось, что в ее словах есть разумная нить: действительно, ведь зомби что-то задумал и на что-то рассчитывает. Охрана бы не помешала, вот только загвоздка в том, что к Мандрагоре могли подойти лишь трое — Авдотья, Василий и сам Хрямп.

Вариант с Авдотьей как с охранником Хрямп отмел сразу. Самому все это время сидеть на болоте не было ни желания, ни возможности. Василий как охранник тоже не внушал особых надежд: хотя если добавить ему на усиление Люську, то вариант получался вполне приемлемый, размышлял Хрямп.

В конце концов он принял решение: первые несколько дней дежурить самому, а ближе к концу года, когда других дел будет невпроворот, поручить охрану Василию и Люське, под присмотром той же Авдотьи, сама напросилась.

Об этом решении Авдотья известила Василия только через несколько дней после разговора с Хрямпом, когда Хрямп уже давно дежурил на болоте.

Заартачившегося было Василия Авдотья смогла убедить одним простым вопросом: ты жить хочешь? А изъявившим желание помочь Сереге и Марине вежливо посоветовала не лезть не в свое дело.

Первое дежурство Василия и Люськи началось в полночь, за два дня до Нового года. Авдотья сама проводила их к тайному месту. Мандрагора, загоревшаяся тревожным голубоватым светом, при появлении Люськи быстро успокоилась, по-видимому опознав в других пришедших Авдотью и Василия.

В глубину болота, отпечатавшись на медвежьем мху, уходили огромные косолапые следы. Судя по тому, что вмятины еще продолжали наполняться болотной жижей, Хрямп покинул это место не более минуты назад, по-видимому решив уйти по-английски и доверив проведение инструктажа Авдотье.

Авдотья расстелила на сухом пригорке овчинный тулуп и разложила на куче хвороста, приготовленного для костра, различную деревенскую снедь. Затем критически осмотрела навес, устроенный для караульных на случай мокрого снега или, не дай бог, дождя. Оставшись вполне довольной результатами осмотра, она присела перевести дух на поваленное дерево.

Погода стояла теплая, безветренная. Испарения, идущие из болотных глубин, согревали воздух и окутывали окружающие предметы инеем. Редкие кусты, становясь похожими на трехмерные снежинки, по мере удаления становились все гуще и наконец совсем сливались в одну линию. Из-за стены камышей едва слышно доносился плеск волн незамерзающего озера.

— Ты смотри, внучек, не геройствуй. Ежели что, от Мандрагоры ни на шаг, она тебя всегда защитит сможет, — наставляла Василия Авдотья. — А ты, Люська, в случае опасности либо бегом к русалкам за помощью, либо прямиком, через топь, к Хрямпу.

Василия немного смущало, что молоденькая хрупкая кикимора, ростом едва доходящая ему до плеча, брала на себя всю активную часть защиты Мандрагоры, оставляя ему роль пассивного наблюдателя. Но что поделаешь? На большее, как он сам был вынужден признать, он не годился.

— Да, если появится Федька, гоните этого коллаборациониста в шею, — вновь блеснула эрудицией и словарным запасом Авдотья. — Они с зомби приятели не разлей вода, а в остальном — по ситуации.

Встав с дерева, держась рукой за поясницу и покачиваясь из стороны в сторону, Авдотья отправилась домой, оставив Василия и Люську одних.

Сухие сучья, брошенные в костер, с громким треском выбрасывали в небо снопы рубиновых искр.

Люська, непривычная к подобному зрелищу, прижимая к груди неразлучную подружку Маруську, старалась держаться от костра поодаль. Тепло, идущее от пламени, приятно согревало бока, но вот запах горящего хвороста раздражал Люську и пробуждал первобытный страх.

Василию нравилось смотреть, как Люська морщила свой курносый, почти кошачий носик и потешно терла маленькими ладошками выразительные глаза. В душе Василия поднималась теплая волна обожания.

Правда, голос разума тут же включал в голове красный огонек тревоги, но Василий грубо обрывал его и посылал куда подальше.

Уже под утро Василия сморил сон. Его душа снова растворилась в просторах космоса, стараясь постичь суть бесконечности. И снова девушка неземной красоты танцевала свой чарующий танец.

Василий, еще во власти сновидения, медленно приоткрыл глаза. Он лежал на сухой траве, рядом с почти погасшим костром, а рядом с ним расположилась кикимора Люська. Она не обратила внимания на то, что Василий проснулся, и по-прежнему была поглощена своими мыслями.

Люська сидела, прижавшись спиной к сухой сосне, поджав стройные ножки и опираясь подбородком на колени. Ночная темень скрадывала ее черты, но не могла скрыть сияния Люськиных глаз. Весь небесный свод, все мириады звезд отражались в ее взгляде. Василия молнией прожгла мысль,

— Танцующая со звездами, — неожиданно для самого себя произнес он.

Ни о каком сне теперь не могло быть и речи. Смущенная Люська продолжала сидеть, потупив взгляд и прикрыв глаза пушистыми ресницами.

— Неужели это ты? Ты так давно мне снишься.

Открытие, сделанное Василием, ошеломило его и лишило присущего ему красноречия.

Утренний морозец начинал пробираться. Чтобы побороть смущение и как-то заполнить затянувшуюся паузу, Василий достал из рюкзака термос: кружка горячего чая не помешает.

— Ты будешь чай? — спросил он Люську.

Та молча подвинулась к нему поближе, выражая согласие.

На дне рюкзака загремел какой-то предмет, ударившийся о термос. Василий достал его. Им оказался непонятно как попавший сюда GPS-приемник.

«Наверно, его забыла Марина, ведь рюкзак дала мне она», — подумал Василий.

Возможно, в другой ситуации он и сумел бы сложить «два плюс два», но сейчас ему было не до этого.

Теперь Василий и Люська сидели напротив друг друга и пили горячий травяной чай из обжигающих руки металлических кружек. Слова были ни к чему, звездный хоровод окутывал их и уносил на встречу с судьбою.

В это время в кустах, на значительном удалении от Василия и Люськи, но, однако, в пределах прямой видимости, лязгая зубами от холода, скрывались Марина и Серега.

— Ну наконец-то, я уж думала, они так и не доберутся до чая. Надеюсь, ты не переборщил с клофелином? — спросила Серегу Марина.

— Да вроде нет, как ты и говорила, десять капель на термос.

— Смотри, а то уворишь нашего Василия, хотя что тебя, что его не то что клофелином — лопатой не прибьешь.

— А эту стройняшку мы не отравим? — вдруг забеспокоился Серега.

— А какое тебе до нее дело? — ревниво спросила Марина и, уже отвернувшись, зло прошипела: — Два зоофилика.

С помощью навигатора, снимавшего показания с приемника из рюкзака Василия, Марина и Серега прошли за Авдотьей, Василием и Люськой практически след в след. Оставалось самое главное — подойти к Мандрагоре и пересадить ее в специальный контейнер, полученный от зомби. Марина время от времени поглаживала ладонью ожерелье у себя на груди.

Она все больше и больше доверяла зомби и даже начинала восхищаться его предусмотрительностью.

Василия Марина решила не посвящать в предстоящую операцию. Толку от них с Серегой, считала она, никакого, а вот все испортить могут запросто. Она не взяла бы и Серегу, но кому-то же надо таскать контейнер, да и страшновато ночью одной на болоте.

Через какое-то время Марина разглядела, как Василий медленно завалился набок, а неподвижно сидящая Люська выронила из рук кружку.

— Пора идти к Мандрагоре, — решила Марина.

Вместе с Серегой они осторожно подошли к цветку. Почувывая опасность Мандрагора потянулась к их лицам обжигающими лучами, но Марина, выйдя вперед, расстегнула на груди куртку, потеряла рукой ослепительно засиявшее ожерелье и произнесла: — Защити нас от Мандрагоры.

Лучи, рванувшиеся навстречу друг другу, фиолетовые у Мандрагоры и кроваво-красные у ожерелья Калиостро, столкнулись в воздухе и, рассыпавшись брызгами сварки, погасли.

Мандрагора продолжала пульсировать слабым голубоватым светом, но опасности, которой раньше был насыщен воздух, уже не чувствовалось.

— Ну что стоишь? — прикрикнула на Серегу Марина. — Шевелись быстрее, пока Мандрагора не набрала силы.

Серега без труда поднял цветок и аккуратно положил его в контейнер. Размеры контейнера точно соответствовали размерам Мандрагоры, и Марина еще раз восхитилась предусмотрительностью зомби.

Серегу колотила нервная дрожь, не только губы, но даже пальцы рук и сами руки ходили ходуном.

— Да успокойся ты, все уже позади, осталось только вернуться домой и передать контейнер зомби.

— Это у меня от холода, — пытался оправдаться Серега.

— Ну тогда хлебни чайку из термоса, видишь, как этим двоим тепло, — пошутила Марина, указав на Василия и Люську, и тут же заорала, заметив, что не оценивший шутку Серега пытается к нему приложиться: — Брось термос, идиот!

Возвращение в деревню прошло без происшествий, если не считать того, что весь обратный путь их преследовала какая-то змея и однажды даже едва не цапнула Серегу за ногу, когда тот слегка замешкался. С огромным трудом Марине все же удалось отогнать гадюку хворостиной.

На окраине их уже поджидал Федька.

— Ну как успехи у охотников за Мандрагорой? — поинтересовался он с хитрой улыбкой на комариной морде.

Как ни странно, на этот раз он был абсолютно трезв, наверно, ввиду важности момента.

— С успехами все в порядке, — успокоила его Марина. — Забирай свою Мандрагору, и я надеюсь, что мы больше никогда не увидимся.

— Конееееечно, конееееечно, — нараспев подтвердил Федька.

Он взял из рук Марины контейнер, и за его спиной тонко зазвенели комариные крылья. Федька, как вертолет, поднялся на несколько метров вертикально вверх, но вдруг, сорвавшись в пике, рванул с шеи Марины ожерелье графа Калиостро. Растерявшаяся Марина пришла в себя, только когда Федькин силуэт растаял в утренних сумерках.

— Верни ожерелье, мерзавец, — прокричала вдогонку Федьке Марина, но надежды в ее голосе не было.

Слезы досады и злости брызнули из глаз Марины: так ее еще никто никогда не обманывал.

7

Придя в себя, Василий понял, что лежит на холодной земле. В воздухе, ставшем сухим и морозным, чувствовалось что-то непривычное.

Приняв сидячее положение, он прислушался и понял: болото было мертво. Не было слышно его согревающего дыхания. Все окружающее пространство покрылось комьями мерзлой грязи, над замерзающими топями стояла мертвая тишина, не нарушаемая даже привычным шорохом камыша. Василий долго не мог понять, что же случилось.

Он огляделся по сторонам и недалеко от остывающего кострища увидел лежащую на земле Люську.

Люська умирала. Василий понял это по конвульсивному подрагиванию ее тела и по плотно сжатым, начавшим синеть губам.

Память медленно, очень медленно возвращалась к нему. Он вспомнил, как они с Люськой пили чай, а затем мир вдруг начал опрокидываться и исчезать. И еще он вспомнил, что перед тем, как мир исчез совсем, он увидел Марину и Серегу, подходящих к Мандрагоре. В голове Василия отчетливо прозвучала фраза Марины: «Защити нас от Мандрагоры», — и Василий разглядел, как Марина, расстегнув на груди куртку, прикоснулась к тому самому потерянному ожерелью Калиостро.

Весь ужас чудовищного обмана охватил Василия.

Еще не придя в себя до конца, он на коленях подполз к Люське и приподнял ее голову.

Глаза девушки открылись, и Василий увидел в них столько боли и страдания, что едва сдержался, чтобы самому не взвыть смертельно раненным волком. Единственное, что он смог сделать, — это прижать к груди хрупкое тело девушки и осторожно, словно боясь поранить, гладить ее распущенные волосы.

— Что с Мандрагорой, где она? — еле слышно прошептала Люська.

Василий посмотрел на то место, где когда-то был цветок, но увидел только небольшую полянку с ряской по краям, которую постепенно затягивало льдом.

— Наверно, ее украли, — горько констатировал он.

— Ты не понимаешь! Это конец всему. Спаси наш мир, верни Мандрагору, — еле слышно прошептала Люська.

Совсем рядом с ними послышался звук тяжелых шагов, и на поляну вышел покачивающийся Хрямп. Было заметно, что шаги давались ему с трудом. Из последних сил он подошел к оплошавшим сторожам и тяжело опустил на колени.

— Она права, если ты не вернешь Мандрагору, мы все погибнем, — было очевидно, что Хрямп слышал их разговор. — Только нужно поторопиться, времени осталось совсем мало. Завтра кончается год, — затем, посмотрев на Люську, добавил: — За нее не беспокойся, я присмотрю за ней.

Заехавший в Болотное грузовик, на котором, кстати сказать, несколько дней назад прибыли Марина и Серега, оказался очень кстати. Водитель, попытавшийся отнекиваться, ссылаясь на свои рыболовно-охотничьи дела, услышав озвученную сумму гоноара, беспрекословно сел за руль и объявил о готовности к отъезду.

Марина и Серега, кипящие ненавистью к коварным злодеям, пылали жаждой мести и пытались оказывать всестороннюю помощь. Василий, храня суровое молчание, не прощая и не обвиняя бывших друзей, наотрез отказался от всякой помощи, конечно, кроме материальной.

Уже через два часа грузовик, миновав приметную развилку дорог, мчался по шоссе в сторону города.

Ушлая Марина сообщила Василию, что из подслушанного ею разговора зомби и Федьки узнала, что найти их в случае необходимости можно в... квартире Василия.

Поэтому уже ничему не удивляющийся Василий торопил водителя грузовика, указав ему конечной остановкой свой собственный адрес.

Вурдалак Федька наслаждался плодами цивилизации. Он включил на полную мощь конвектор, установил рядом с ним найденный в кладовке вентилятор, а для создания звукового эффекта, отдаленно напоминающего шум водопада, открыл кран в ванной.

Сам он, забравшись с ногами на кровать и настроив телевизор на канал «Discovery», мнил себя богатым иностранцем, путешествующим по миру.

Обещания зомби позволяли надеяться на обеспеченное будущее, и у Федьки дух захватывало от открывающихся перспектив.

Слово, данное зомби, — соблюдать режим трезвости, с точки зрения вурдалака, распространялось лишь на время проведения операции по захвату Мандрагоры и ожере-

ля, поэтому сейчас Федька отрывался по полной. Перед кроватью валялось несколько пустых банок из-под пива, которое Федька обнаружил в холодильнике, и двух бутылок из-под коньяка, за которым он сам слетал в ближайший магазин. Третья, еще полная бутылка была у него в руках. Контейнер с Мандрагорой стоял перед ним на журнальном столике, и Федька чувствовал себя вершителем судеб.

Ужасно хотелось хлебнуть свежей кровушки, но вурдалак держал себя в руках. Нужно было привыкать к новым общемировым ценностям. Нельзя пить кровь безо всяких оснований у всех подряд. Новый мир, который выбрал Федька, жил по принципам правового государства. Во-первых, нужно было знать, у кого пить кровь можно, а у кого нельзя, а во-вторых, необходимо было придумать основание.

В эту мудрость его посвятил зомби, который отбыл в неизвестном направлении, чтобы доложить своему начальству об успешно проведенной операции. Федька был немало удивлен наличием у зомби начальства, но отнесся к этому спокойно. Он понимал, что новый мир, в котором он теперь считал себя полноправным гражданином, еще нужно изучить и познать.

Василий своим ключом открыл дверь квартиры. На цыпочках, стараясь не шуметь, он прошел в комнату и остановился на пороге, обескураженный увиденным. Поперек кровати лежал вурдалак. Его голова безвольно свисала, почти касаясь пола, а руки все еще сжимали пустую коньячную бутылку.

На журнальном столике стоял контейнер, такой, каким его описали Марина и Сергея, а рядом с ним лежало ожерелье Калиостро.

— Не может быть, чтобы все было так просто, — засомневался Василий, но все же подошел к столу, взял в руки контейнер и не забыл сунуть в карман ожерелье. Выходя из комнаты, он неосторожно задел ногой пустую пивную банку, которая загрохотала пожарным колоколом.

Встревоженный Федька перепуганной перепелкой взвился к потолку.

— Куда? Стоять! Кто посмел? — и, наконец разглядев в дверном проеме чью-то смутно различимую фигуру, яростно кинулся на новоявленного врага.

Но подвела координация: удар лбом об косяк был настолько силен, что в воздухе раздался громкий треск, исходивший то ли от Федькиного лба, то ли от косяка. После чего Федька завалился на спину и, как ни странно, сладко захрапел.

Василий что было духу рванул из квартиры и почти влетел в открытую дверцу грузовика.

— Гони! — единственное, что смог он крикнуть водителю, задыхаясь от сумасшедшего бега.

До приметной развилки они доехали благополучно, хотя Василий все время сидел как на иголках, ожидая преследования. Еще ему постоянно казалось, что грузовичок, в силу своей ветхости, вот-вот развалится, поэтому на больших выбоинах он рефлекторно напрягал мышцы ног, чтобы в случае чего не угодить носом в дорожную пыль.

Сразу за приметной развилкой в начавших сгущаться сумерках показались две фигуры. Водитель еще не включил фары, но Василий и так знал, кто это.

Зловещая фигура в черном плаще была вполне ожидаема, а вот откуда здесь взялся Федька, понять было трудно, впрочем, думать об этом времени не было.

Зомби протянул в сторону движущегося автомобиля руку с поднятой вверх ладонью, и машина, увязая в сгустившемся воздухе, сбавила скорость, а через минуту остановилась вовсе, прямо напротив стоящей на обочине парочки.

В отличие от Василия, которого уже трудно было удивить, водитель, предварительно вдоволь наматерившись, буквально окаменел, разглядев в подробностях остановившую их компанию.

Впереди стоял зомби, молодцевато подбоченясь, сдвинув на затылок капюшон и кособоко клацая оставшимися зубами, что означало залиvistый смех. Немного позади Федька, звеня в воздухе мельтешащими крыльями и как бы приплясывая на месте. Огромный синяк под глазом напоминал то ли о встрече с косяком, то ли о проведённой зомби воспитательной работе. Мстительная улыбка на его губах не сулила Василию ничего хорошего.

«Что делать? Что делать?» — пульсировала в голове Василия единственная мысль.

— Ты знаешь, что делать, — вдруг четко прозвучал в его ушах голос Люськи. — Вспомни, как Марина и Серега защитились от Мандрагоры. Ты ведь видел!

Еще не до конца осознавая, что он делает, но абсолютно уверенный в том, что это единственный вариант спасения, Василий, как сомнамбула, достал ожерелье, потер его вспотевшей от страха ладонью и, повинувшись непонятным силам, швырнул в приоткрытую дверцу со словами: «Ожерелье, удержи этих двух чудовищ».

Зомби, продолжая клацать зубами, как профессиональный баскетболист, на лету поймал брошенный предмет и скептически ухмыльнулся, но через мгновение его челюсть отвисла от удивления.

Воздух вокруг Федьки и зомби закрутился в небольшом вихре, образовавшем сферу диаметром около трех метров. Затем сфера наполнилась желеобразной жидкостью, превратившись в подобие аквариума.

Федька и зомби оказались в заточении. Они пытались вырваться, но все их усилия вязли в заполнившем сферу киселе, и они могли только плавать по кругу, на манер аквариумных рыбок.

— Не сидеть, не сидеть! — Василий принялся приводить в чувство ошарашенного водителя, но лишь минут через десять добился желаемого результата.

На этот раз подгонять водителя было не нужно: старенький грузовик несся, как ветер.

Прежде чем подбежать к Люське, Василий открыл контейнер и аккуратно высадил Мандрагору на прежнее место, но никакой реакции не последовало. Мандрагора своим видом напоминала огромный пучок петрушки, залежавшийся на прилавке гастронома. Ее листья сморщились и обвисли, как завядшие стебли огородной зелени, а сам цветок, также изрядно увядший, смотрелся бездарным коллажем.

Василий подбежал к Люське и опустился перед ней на колени. Сейчас она казалась ему еще меньше и беззащитнее. Ее дыхание не было слышно. На глаза Василия навернулись слезы. Он взял в ладонь ее маленькую лапку с острыми коготками и приложил к сердцу.

— Не умирай, слышишь, не надо. Ведь если ты умрешь, некому будет танцевать со звездами, — и уже неожиданно для самого себя добавил: — А я на всю жизнь останусь одинок.

От сознания, что он опоздал, душу Василия заливала невыносимая горечь. Сейчас он готов был отдать все на свете за один Люськин вздох, пусть последний, пусть ничего не решающий, но только чтобы он был, чтобы продлить ее жизнь хотя бы на секунду.

Василий склонился над девушкой и поцеловал ее в мохнатую щечку, вложив в поцелуй всю душу.

За спиной Василия ударил гром и сверкнуло так, что не стой он на коленях, наверно, свалился бы с ног. Оглянувшись, Василий увидел причину светопреставления. Мандрагора, как человек, проснувшийся от глубокого сна, осматривалась по сторонам, прощупывая огненными сполохами свои владения. Земля под ногами Василия вздрогнула, как умирающий больной, получивший разряд дефибрилятора, и задышала.

Болото стало оживать, а Мандрагора начала свою ежегодную перезагрузку. Василий повернулся к Люське и онемел. Перед ним на примятом мху лежала девушка, обычная человеческая девушка.

Впрочем, не совсем обычная, Василий узнал в ней незнакомку из своих снов. Ту самую незнакомку, «танцующую со звездами».

8

Феерическое зрелище, устроенное в этом году Мандрагорой, было поистине невиданным. Болото сверкало и переливалось мириадами сказочных огней. Фантастические картины появлялись в море ослепительных фейерверков и исчезали, чтобы уступить место новым, не менее фантастическим творениям неизвестного мастера. Над камышами, отделяющими болото от озера, пересекаясь и сплетаясь в единый луч, уходили к звездам сполохи, изумрудно-зеленые со стороны озера и ярко-алые со стороны болота. Этот луч, достигая звезд, плавил их свет и обрушивался на окрестности пылающим алмазным дождем.

Хрямп был счастлив. На его архипелаге, то есть болоте (черт бы побрал этого бабололку Федыку), наступили мир и согласие. Правда, после перезагрузки в душе еще оставались капельки горечи, взывающие к справедливому мщению в отношении некоторых его подданных, но он знал: скоро весь негатив, забившийся в дальние уголки сознания, будет стерт.

Во владениях Хрямпа появились новые подданные. На дальнем краю болота, рядом с топью, где когда-то чуть не утонул олененок, поселился свой собственный Кощей, пока что неизвестно, насколько бессмертный. Новый подданный почти не вылезал из-под коряги, где жил, и сутки напролет, как и положено Кощею, «чах над золотом», а если быть точным, то над ожерельем с алмазными подвесками.

Хрямп был доволен, а вот был ли доволен своей новой ролью зомби, неизвестно: ну да ничего, стерпится — слюбится, — считал Хрямп.

А еще у Хрямпа появился свой личный пивовар Серега. Собеседником он был так себе, но поболтать за кружкой отменного пивка, которое тот научился варить из болотных водорослей, с ним можно было вполне. В знак признания Серегиных заслуг Хрямп даже назначил его на должность младшего смотрителя болота, который по штатному расписанию являлся его замом.

К великой жалости Хрямпа, Мандрагора не оставила на болоте Люську, хотя и нашла ей неплохую замену. Теперь всем болотным хозяйством заправляла кикимора Маринка. А заодно, чтобы в ее голову от безделья не лезли дурные мысли, Хрямп велел ей присматривать за Кошеем и каждый вечер сообщать ему результаты наблюдения: на первых порах лишним не будет, резонно рассудил Хрямп. К этому поручению кикимора Маринка отнеслась с особым рвением.

Последнее время радовал вурдалак Федыка. Он сумел побороть пагубную зависимость и умерить страсть к крови алкоголиков.

Иногда Хрямп и Серега даже приглашали его в свою компанию, на кружку пива. Правда, в этом просматривалась некая корысть: кому-то же надо было летать к русалкам за свежей таранькой. В общем, жизнь на болоте входила в нормальное русло.

Примерно в это же время в обычной городской квартире, а именно в квартире Василия, также царили мир и благодать. В полусонной дреме, на двухместном раскладном диване в предутренней истоме нежились трое.

Василий нежно прижимал к себе Людмилу, бывшую когда-то Люськой, как божий дар лоя на своей щеке ее дыхание, а та прижималась к нему грудью, в которой трепетало от любви ее нежное девичье сердце. В то же время она не забывала почесывать

одной рукой шейку лежащей рядом с ней гадюки Маруськи. Дружба, если она настоящая, как и любовь, бессмертна.

Василий приподнялся на локте и пристально взгляделся в лицо любимой. Его душа таяла и заливала сердце потоками нежности. Веки Людмилы были прикрыты, но он точно знал, что если она их откроет, то в глубине ее черных бездонных глаз он увидит отражение звезд.

Маруська бросила на Василия ревнивый взгляд и плотнее прижалась к руке подруги. Не так давно она дала слово, что больше никогда никого не укусит. Правда, в этот же день едва не нарушила обещание, когда обнаружила на их лестничной площадке гадающего кота, проживающего этажом выше.

Но сумев совладать с собой, она лишь молнией вылетела из квартиры и, встав напротив кота в позу раскачивающейся кобры, нежно лизнула его в носик раздвоенным язычком. Говорят, после этой встречи кот стал закоренелым домоседом и наотрез отказывается выходить из квартиры.

Сегодня Василию приснился удивительный сон, и теперь он не мог дожидаться, когда проснется Людмила, чтобы рассказать ей о нем.

Ему приснилось бескрайнее звездное небо, которое пересекал Млечный Путь. И на этом Млечном Пути, как на лесной тропинке, сидел маленький мальчик. Своими ручками малыш выкладывал на Млечном Пути новые созвездия из недавно загоревшихся звезд. Созвездия, которые еще никто не открыл. Лицом малыш был похож на Василия, а в его таких знакомых и родных глазах, так же как у Людмилы, отражались звезды. И еще — волосы мальчика отливали изумрудно-зеленым цветом, как теперь знал Василий, цветом жизни.

Василий не хотел один разгадывать этот сон, хотя разгадка не казалась ему сложной, он с любовью смотрел на Людмилу и ждал, когда она проснется.